

СЕВЕРНАЯ КРОВЬ.

Анна Серебрякова

18+

Анна Серебрякова

Северная кровь

<https://litres.ru/74101203>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Там ты найдёшь то, что мы у тебя отняли. Прости нас». Это письмо Катя получила через шестнадцать лет после того, как нашла родителей мёртвыми. В конверте — ключ с головой волка и адрес: Белые Ключи, усадьба Стужиных. А в старом доме её ждала ещё одна тайна — дневник матери.

Она ехала на север за наследством, но нашла поместье, которое рисовала в детстве, почти не зная о нём. Её встречает Алексей Волков — опасный, резкий и невыносимо притягательный. Он утверждает, что их семьи связаны древним проклятием, а в ней самой дремлет магический дар. В мире, где вода говорит голосами предков, а мосты рушатся за ночь, Кате предстоит сделать выбор: бежать или остаться, чтобы принять свою кровь — и полюбить врага.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Серебрякова

Северная кровь

Глава 1

Пролог

Ей было семь, когда она нашла их. Мама лежала на кровати, папа — рядом. Они были вместе даже в этом. Катя поняла не сразу, что они мертвы — в семь лет уже знаешь, что такое смерть, но не веришь, что она может войти в твою собственную дверь. Она просто села на пол и стала ждать, когда мама и папа проснутся.

Домработница пришла спустя шесть часов, её крик был пронзительным и вписался в память Кати как штамп зловещего ужаса.

Потом были похороны, чужие Кате люди, много странных и не понятных слов, сама же Катя стояла у гроба с прямой спиной и сухими глазами. Кто-то назвал её «сильным дитем», а кто-то — «бедной сироткой». Она же не была ни той, ни другой.

Родители были реставраторами, государственные заказы, закрытые объекты, раскопки, ветхие усадьбы на севере. Для внешнего мира они были специалисты по старине экстра-класса. Дома бывали редко, а когда возвращались, то при-

возили ящики, пахнувшие землёй и временем. Катя не знала, что в этих ящиках, ей не показывали. Но иногда по ночам из кабинета матери пробивался свет, и сквозь неплотно прикрытую дверь доносился шёпот, который Катя не понимала, но который заставлял воздух дрожать.

Она не плакала, когда родители уезжали, не скучала, когда они не звонили. К семи годам она научилась жить с вакуумом внутри так, как живут с хронической болезнью, приглушая симптомы и избегая резких движений.

Родителей не стало внезапно. Они умерли вдвоём так, как - будто просто решили не возвращаться с очередного объекта, оставив предсмертную записку, в которой не было ни слова о дочери. Только сухие распоряжения и просьба никого не винить.

Тётка оформила опеку быстро, затем также быстро отдала Катю в пансион, затем был техникум, съёмная квартира, работа официанткой. Шестнадцать лет прошли как один долгий серый день. И всё это время где-то на севере, в посёлке с названием Белые Ключи, стоял дом, о котором Катя практически ничего не знала.

В двадцать три года она получила ключ от банковской ячейки — по завещанию, о котором ранее ей никто не сообщал. Внутри лежал конверт с письмом - мамин почерк: быстрый, неровный и не похожий на тот, который Катя видела на старых открытках, но все - таки мамин. Письмо содержало текст: *«Адрес: . с. Белые Ключи. Усадьба Стужиных. Там*

ты найдёшь то, что мы у тебя отняли. Прости нас» и старый, кованый ключ с резной головкой в виде волчьей головы.

Катя сжала его в кулаке, не почувствовав ни гнева, ни надежды. Только глухое, тяжёлое любопытство — то самое, что когда-то заставило семилетнюю девочку сидеть на полу шесть часов и ждать, когда родители проснутся, когда проснутся те, кто уже был мертв.

Она ехала на север...

Глава 1. Чужой дом

Автобус довёз её только до районного центра. Дальше начиналась старая дорога, разбитая лесовозами и узкий мост, по которому рейсовый автобус проехать бы отказался, маршрут его закончился раньше. Но Кате повезло, мужик, представившийся Эйко на старом внедорожнике, вёз в Белые Ключи мешки с мукой и согласился довезти её. Всю дорогу он травил байки про местный уклад жизни. Она его не слушала.

Когда они въехали на мост, Эйко вдруг замолчал и сбавил скорость. «Не бойсь, — сказал он, заметив, как Катя вцепилась в сиденье. — Река сегодня спокойная. А вот весной тут бывает не проедешь — звереет».

Катя внимательно посмотрела в окно. Река не была широкой, но и не текла спокойно, как равнинные реки, а напротив боролась. Вода вгрызалась в каменистые берега, закручиваясь в маленькие водовороты между валунами, воды её были тёмным, а у берегов — прозрачно-янтарным, как крепкий

чай. Вокруг моста река словно сдерживала себя, но чуть ниже по течению уже разгонялась на порогах, и шум оттуда доносился низкий, предупреждающий.

Через полчаса старый внедорожник остановился на центральной улице в поселке «Белые Ключи». Эйко сказал Кате что-то на прощание и, махнув рукой в сторону леса уехал, растворившись в серой мороси. Катя осталась стоять одна. Ни единой души кругом.

Двадцать шесть часов пути она тряслась в поезде до Петрозаводска, потом в автобусе через Сортавалу и старом внедорожнике местного мужика по имени Эйко. С каждым часом в пути мир за окном становился всё более чужим. Мелькали сосны, виднелись болота и все это покрывало серое небо, а она снова и снова прокручивала в голове одно и то же, не обращая ни на что внимания.

«Там ты найдёшь то, что мы у тебя отняли. Прости нас», эти слова в письме остались в голове у Кати как неожиданный, нежданный оклик боли о прошлом, который нашел её именно в тот момент, когда, казалось бы, она только справилась со своей болью. Она вдумывалась в смысл написанного, но сердце колотилось и чувства копились комком где-то в горле, выливаясь горечью во рту, а пальцы сами собой сжимали край конверта так, что бумага смялась.

Но где-то глубже, именно там, куда она сама боялась заглядывать, — теплилась другая мысль: может быть, там найдётся тот самый покой, который, казалось, она утратила в

своем сердце, где уже шестнадцать лет живёт лишь пустота.

Она ехала за ответами, или за деньгами, или хотя бы за тишиной — другой, не бетонной, не городской, а той, в которой можно наконец услышать себя. Иначе она не могла себе объяснить свое решение бросить привычную жизнь и уехать.

Навигатор на телефоне умер ещё час назад и показывал вместо карты зеленоватую рябь. В посёлке не было ни указателей, ни прохожих, только приземистые дома, тонувшие в тумане и ветер, гудевший в проводах.

И всё же она пошла не раздумывая, не выбирая направления. Ноги несли её сами — легко, безошибочно, как если бы она шла по карте, нарисованной не в памяти, а в крови. Мимо покосившихся заборов и старых берёз, чьи ветви сплетались над головой в голый, чёрный свод.

В пансионе, долгими серыми буднями, а иногда и бессонными ночами, она рисовала дом. Один и тот же дом, снова и снова, который появлялся волей порыва её руки на полях тетрадей, на обрывках бумаги, и вновь появился на запотевшем стекле автобуса, который вез её в неизвестность. Высокий, двухэтажный, с резным крыльцом и коваными воротами, на которых темнел герб, которого она не знала. В общем для Кати это было просто проявление фантазии, о чем ей раньше и говорили воспитатели в пансионе.

Теперь, когда она свернула с главной улицы на просёлочную дорогу и увидела в конце неё тёмный силуэт, земля ушла из-под ног. Это был он, тот самый дом, оживший из её дет-

ских рисунков, воскресший в её памяти.

Мурашки скользнули по коже, от запястий к плечам и застыли у затылка. Катя замерла, на мгновение она была не в силах сделать шаг и как замороженная смотрела на тёмный камень стен, на резное крыльцо, на кованые ворота с гербом, переплетённые линии которого складывались в ветви и образовывали кристалл. Она почувствовала, как внутри что-то задрожало — не мысль, не воспоминание, а что-то более древнее, что в ней жило, но молчало, а теперь начало просыпаться.

Она подошла ближе. Провела пальцами по камню, который был холодным, но не мёртвым. Такой холод бывает у реки в феврале, покрытой льдом, но скрывающим живое течение под собой.

Катя достала ключ из конверта, тот самый, тяжёлый, кованный, с резной головкой в виде волчьей головы. Ключ вошёл в замок легко, будто его смазывали только вчера. Катя повернула его и замерла, со спины она кого-то почувствовала, не услышав ни шагов, ни дыхания, но воздух вдруг стал плотнее, холоднее и мурашки скользнули по спине от ощущения чужого присутствия. Такого близкого, что, казалось, она почувствовала тепло чужого тела.

Она резко обернулась. Из тумана, который стелился по земле у самых ворот, проступил силуэт. Сначала — только тень, сгустившаяся между сосен. Потом — конь, высокий, мохнатый, с тяжёлыми бабками, всхрапнувший и пере-

ступивший ногами. И всадник, который сидел в седле неподвижно, как изваяние, и смотрел на неё сверху вниз.

Он просто был здесь — будто вырос из тумана, из земли, из самого воздуха. Катя прижала ладонь к груди, где колотилось сердце, и заставила себя не отшатнуться. «Это просто мужчина, просто всадник, просто она, городская дура, испугалась собственной тени», успокоила она себя. Но где-то внутри, под сердцем, билось чувство, породившее мысль: «Он не мог подойти так тихо, лошадь не могла подойти так тихо».

Всадник откинул капюшон. Светлые волосы, мокрые от мороси, грубые черты лица, тонкий белый шрам над левой бровью. И серые глаза, которые смотрели на неё без интереса и без приветствия — только холодная, оценивающая констатация факта.

— Ты Стужина, — сказал он. Голос низкий, грубый, с той хрипотцой, какая бывает у людей, которые предпочитают больше молчать, чем говорить.

— Я Катя, — поправила она, вздёргивая подбородок.

— Мне плевать, как тебя зовут. — Он скользнул взглядом по её лицу, по дешёвой куртке, по чемодану на колёсиках, который она прижимала к себе, как щит. — Дом Стужиных не продаётся. Никому!

Он дёрнул поводья и конь, слегка попятившись назад, сорвался прочь, растворяясь в тумане так же беззвучно, как и появился. Только грохот копыт на мгновение повис в возду-

хе, оставив после себя звенящую тишину.

Катя осталась стоять, поставив чемодан на землю и прижав ключ к груди. Сердце колотилось, а тело трясло, причем не от холода, а от чего-то, чему она не могла подобрать название. Этот низкий и грубый голос всё ещё звучал у неё в голове, и она понимала, что запомнила его навсегда не от того, что всадник возник из ниоткуда, а воздух вокруг него был холоднее февральского ветра. Возможно, причиной стали его серые и обжигающие холодом глаза, в которых она на секунду утонула, сама того не желая.

Она встряхнула головой, отгоняя наваждение.

Ключ вошёл в замок легко, словно дом ждал её и заботливо встречает. Она прошла до крыльца и коснулась перил. Дерево отозвалось живым, как прикосновение кожи, теплом.

Тепло — это было первым, что она почувствовала, и вместе с ним пришли запахи: сосна, сушёные травы, мёд и, что-то ещё, чему она не могла дать имени, то, что мгновенно отозвалось в груди глухой, забытой болью, как отзывается старая рана на перемену погоды. Так пахнет память. Так пахнет дом, в котором выросла твоя мать. Катя уверенно зашла в дом.

У печи стояла высокая женщина, прямая, с короткими и светлыми волосами, которые уже тронула седина. Ей было, наверное, около семидесяти, но спина её была ровной, как ствол сосны, а взгляд — спокойным и изучающим. Ни объятий, ни слёз, ни радостных восклицаний от женщины не по-

следовало. Только этот взгляд, который скользил по Кате, собирая информацию.

— Вы Ирина, — сказала Катя. Ни приветствий, ни вопросов, только констатация факта. Она помнила имя из завещания. Ирина Стужина, владелица усадьбы, мать её матери - её бабушка, но такого обращения душа Кати на могла себе позволить после шестнадцати лет молчания, после шестнадцати лет оцепеневшей, брошенной жизни.

— Да, а ты Катя, — ответила женщина низким и тихим голосом. — Проходи, чай остывает, — сказала она просто, как само собой разумеющееся.

Катя не двинулась с места. Она стояла в дверях, сжимая ручку чемодана, и чувствовала, как внутри всё переворачивается. «Проходи, чай остывает» — так говорят соседке, заглянувшей на минутку. Не внучке, которая вернулась спустя шестнадцать лет.

— Вы знали, что я приеду? — спросила она.

— Знала.

— И откуда?

Ирина помолчала. Потом подошла к столу и села — не приглашая Катю, просто давая понять, что разговор будет сложным.

— Когда ты выехала, дом проснулся. Половицы заскрипели, печь загудела и я сразу поняла, что ты возвращаешься. — Она подняла глаза. — Ты родилась здесь, Катя. В этом доме, на втором этаже. Дом тебя помнит и я тебя помню.

Катя смотрела на неё и не знала, что чувствовать. Перед ней была её бабушка — родная кровь, но слова застревали в горле, и она не могла назвать её «бабушкой». Это слово было слишком тёплым, слишком личным. Но все же она начала говорить.

— Знаете? — сказала она наконец, спустя короткую паузу, — А я ведь и не знала, что Вы еще живы. Первые семь лет моей жизни Вы были где-то здесь, вроде бы даже и появлялись, я определенно кого-то помню из детства, кто точно мог бы сойти за Вас, а потом ещё шестнадцать лет. — Катя набрала воздуха в грудь и обвиняя спросила — Где же Вы были? Хотя не отвечайте, полагаю всё также, где-то здесь. Но при этом ни единого раза Вы не приехали, ладно, путь не близкий, но ведь и не написали, не позвонили. А теперь Вы встречаете меня так, будто я просто задержалась в школе, это действительно очень по-родственному.

Голос её дрогнул на последнем слове. Она сжала зубы, не дав себе сорваться, но Ирина заметила, после чего медленно и без единого шороха, опустила ложку на стол.

— Я писала, — сказала она. — Каждый месяц, все шестнадцать лет. Твоя тётка возвращала письма. Я даже не знала, где ты, порой сомневаясь, что ты жива. — Ирина помолчала. — Ты имеешь право злиться, но злись на того, кто этого заслуживает. Я ждала тебя каждый день. Каждый день, Катя.

В комнате повисла тишина, наполненная и готовая лопнуть. Катя смотрела на эту женщину, свою бабушку и чув-

ствовала, как к глазам подступают слёзы. Она сглотнула их, загнала обратно, как делала всегда, но что-то внутри неё дрогнуло.

Она не стала ничего отвечать. Просто села за стол и взяла кружку. Чай был горячим, с мятой и сушёной брусникой, от которого в груди разливалось тепло, которого она не ожидала. Но она продолжила, не желая молчать.

— Ждать каждый день, и встретить так сухо, как само собой разумеющееся, ни грамма эмоций, — сказала Катя, не ожидая от себя такой реакции.

— Все мои тревоги и переживания рассеялись в шестнадцати лет ожидания, но я действительно виновата, что утратила способность проявлять чувства, извини, — ответила Ирина, не дав почувствовать Кате нот сожаления в своём голосе.

— Ирина, — сказала Катя, пробуя имя на вкус. Не «бабушка», пока точно нет, а может быть и никогда.

Ирина едва заметно кивнула, принимая это обращение без обиды. Они стали пить чай молча, тишина переставала быть напряженной, какой бывает между чужими людьми, а предстала перед Катей в весьма странном, новом для неё виде. Молчание казалось нужным, потому что каждое слово сейчас стало бы лишним и, возможно, опасным.

— Зачем они это сделали? — наконец спросила Катя. — Я говорю про своих родителей. Зачем они ушли? Да еще таким способом, так безрассудно, лишив свою дочь детства?

Ирина долго смотрела в окно, на серое небо, на верхушки сосен. Потом сказала:

— Они не ушли. Они искали. Нашли то, чего не должны были найти. Уже поздно, а ты проделала долгий путь, теперь нужно иди спать. Ты устала Катя, нужно отдохнуть, тебе надо набраться сил. Завтра всё обсудим.

Катя было хотела возразить, что значит «завтра все обсудим»? Этот разговор возник через долгих шестнадцать лет и вдруг, человек, который многое хотя бы мог попытаться объяснить – уходит от разговора. Но Ирина скорее права, слишком много в душе возникает вопросов, слишком больно начинает стучать сердце, и она молча встала, взяла свой чемодан, выждала паузу и обратилась к Ирине.

— Я полагаю в доме есть для меня комната? — спросила Катя.

— На втором этаже слева, тебя проводить? — спросила в ответ Ирина.

— Пожалуй найду, — ответила Катя, направившись в сторону лестницы.

Только перед тем, как подняться наверх, она остановилась.

— Там был мужчина, — сказала она. — Прямо у дома встретил меня, вернее появился прямо из земли и надменно разговаривал.

Ирина, начавшая убирать со стола, замерла. Ложка звякнула о край чашки.

— Как он выглядел?

— Ну, знаете, у вас тут - это видимо норма: люди на конях ещё ездят, как в девятнадцатом веке. Он был высокий, плечи широкие. Светлые волосы, серые глаза. И главное над бровью у него белый, тонкий шрам. Смотрел на меня так, будто я на метле прилетела, и, кажется, готов был эту метлу сжечь вместе со мной. — Она хмыкнула. — Заявил, что дом не продаётся, представляете? Я даже не успела представить, а он уже всё за меня решил.

Она говорила быстро, с легкой злобой, но щёки её чуть покраснели — то ли от гнева, то ли от чего-то ещё, в чём она не хотела себе признаваться. Воспоминание о его голосе всё ещё отдавалось дрожью где-то в груди. Ирина заметила это и ничего не сказала, едва заметно приподняв бровь.

— Алексей Волков, — ответила Ирина. — Наш сосед.

— Почему он говорил со мной так, будто знает меня и за меня же знает, зачем я приехала?

— Потому что знает. Он много чего знает, слишком много для человека, парюю предпочитающего жить отшельником в лесу.

— Дом не продаётся, — медленно сказала Катя — Он мне так и сказал, за меня всё решив и Вы, Ирина, полагаю согласны с ним.

— Что касается дома — Ирина помолчала. — Волковы живут здесь дольше, чем мы. И понимают больше, чем говорят, не спешите судить.

— А кто он тогда?

Ирина взяла кружку и сделала глоток — медленно, обдумывая каждое слово прежде, чем произнести его.

— Это долгая история, — сказала она. — И ты пока не готова её услышать. Все же иди пока спать, Катя, на утро все оставим.

Катя вновь хотела возразить, но, что-то в голосе Ирины, какая-то усталая, древняя печаль заставила её промолчать. Она развернулась и пошла к лестнице, чувствуя спиной, что Ирина смотрит ей вслед.

Комнату она нашла быстро, поднялась наверх, повернула налево. Села на кровать так, будто делала это и раньше много раз. Это была мамина комната, она почувствовала это сразу, по теплой обстановке, по нежному запаху.

Катя долго сидела на кровати, уставившись в стену. В мыслях всплывали серые глаза и шрам над бровью. Она тряхнула головой, стараясь отогнать образ, который в ответ все настойчивее возвращался опять.

Она встала и начала осматривать комнату. Старый шкаф, полный маминой одежды. Зеркало в потускневшей раме, книги на полках, которые она не решилась читать. После изучения комнаты, за дубовой дверью в конце коридора она нашла ванную комнату. Небольшую, отделанную белым кафелем, с чугунной ванной на львиных лапах и старым, сверкающим медным краном. Она смыла дорожную грязь, почувствовав, как вместе с водой уходит напряжение. Потом вы-

терла тело большим пушистым полотенцем и, не взяв своей ночной рубашки, решила порыться в шкафу, в котором нашла стопку постельного белья и старую, но тщательно выглаженную сорочку, пахнущую лавандой. Она надела её, и тонкая ткань легла на кожу, словно напоминая о чём-то забытом. В этом доме, она вдруг остро почувствовала, что она была лишена многого.

Вернувшись в комнату, она обратила внимание на прикроватную тумбочку, которую сразу не заметила. Любопытство заставило её выдвинуть ящик. Внутри лежала потрёпанная тетрадь в кожаной обложке. Страницы пожелтели от времени, но чернила были всё ещё яркими. На первой странице был угловатый девичий, но знакомый ей уже почерк:

«Елена Стужина. Мой дневник.»

Катя замерла, её сердце пропустило удар и забилось сильнее. Она провела пальцами по буквам, словно доказывая себе то, что это почерк принадлежит её матери. Но в этот раз он был другим, не тот, который она видела в письме или старых открытках — суровый, взрослый, с торопливым наклоном, а более искренний и красивый, который может принадлежать только молодой девушке.

Она открыла первую страницу.

«12 июня. Сегодня мать взяла меня к Ключу, сказав, что я уже достаточно взрослая, чтобы почувствовать источник. Какое же разочарование её ждало. Как она мне и сказала, я опустила руку в воду, но ничего не почувствовала.

Она по-настоящему расстроилась, а мне было всё равно. Я не хочу никаких магических признаний и откровений, этого родового дара. Я хочу быть просто девушкой, которая гуляет по лесу и собирает вереск.»

Катя улыбнулась, сама того не замечая. Она продолжала читать дальше, но усталость взяла своё, глаза закрывались и текст ускользал от понимания. Она быстро и не думая спрятала дневник под подушку так, как это делают с чем-то слишком ценным, с чем-то, что боишься потерять. Ирина не должна знать об этой находке. Это стало её тайной, её ниточкой к матери.

Она легла в постель, слушая как за окном перешептываются сосны. Впервые за много лет её постель не была просто местом, где можно забыться сном, а местом уюта и чувства безопасности, которое испытывает младенец в руках у матери. И от этой мысли внутри разливалось тепло, смешанное с болью утраты.

Утро началось с запаха топлёного молока, печёного хлеба и чего-то сладкого, напоминающего мёд. Катя потянулась в кровати, на мгновение забыв обо всем.

Затем она спустилась в гостиную. Стол был накрыт иначе, теперь на нём стояла тарелка с пшённой кашей, политой мёдом, горка румяных калиток, плетёная корзинка с сушками. Катя уже и не помнила, чтобы кто-то готовил завтрак для неё. Ирина уже сидела за столом с неизменной кружкой чая, а перед ней лежала нетронутая калитка.

— Я здесь ненадолго, — сказала Катя сухо и уверенно, поставив перед фактом.

Ирина подняла бровь, и молча пододвинула к Кате тарелку с кашей. Катя села и начала есть, чувствуя, что голод, который она игнорировала со вчерашнего дня, вдруг проснулся с новой силой.

— Я осмотрю дом, может разберу бумаги, если они есть. Кстати, предлагаю продать дом. У меня сохранилось письмо от мамы, я его получила недавно, собственно это и есть причина того, зачем я приехала, или как ты мне планируешь отдать мою часть от наследства? — Катя, положило письмо от матери, которое она забрала недавно из банковской ячейки, указав на часть записи «получишь то, что у тебя отняли» и продолжила — Но, если продажа затянется, или ты не согласна продавать дом, — она сделала паузу — Плевать, жила и без этого, и дальше проживу. Главное я пойму для себя зачем мне это было нужно, пойму, «что у меня отняли», и уеду. Я не останусь здесь ни на день дольше, чем нужно.

Ирина молча отпила чаю, пр.

— Ты вчера спрашивала, зачем твои родители это сделали, — сказала она наконец.

— Я не ответила, но готова теперь. Впрочем ты должна сначала кое-что увидеть и кое-что понять. Давай выйдем за околицу.

— И что же я там увижу? — иронично ответила Катя.

— Думаю то, что заставит тебя задуматься. — Ирина по-

ставила кружку на стол. — Я не буду рассказывать тебе сказки, Катя. Ты, как я понимаю человек прагматичный и привыкла верить фактам, — с такой же нотой иронии в голосе, ответила она — Вот и пойдем посмотрим на факты. А после вновь поговорим.

Катя усмехнулась — не весело, а скорее устало, сказав в ответ, — Звучит как начало плохого квеста. «Пойди туда, не знаю куда, увидишь то, не знаю что».

— Примерно так, — Ирина чуть улыбнулась. — Ты злишься и это хорошо. Злость помогает видеть то, что разум отрицает.

— Я ничего не хочу отрицать. Раз обещала факты, что же, я жду с нетерпением, продажа дома я смотрю и не обсуждается.

— Не обсуждается — голос Ирины стал резко сухим и строгим — и ты сама поймешь почему. Ты получишь то, что хочешь. Завтракай, нужно идти к реке, Вейкко тебя проводит.

— Кто такой Вейкко? — удивлённо спросила Катя.

— Местный, — Ирина пожала плечами. — Он воду развозит по дворам, парень хороший, хотя и немного странный, может возраст сказывается — обыденно сказала Ирина, — но надёжный.

Катя оглядела кухню — добротную, с печью, с тяжёлыми балками под потолком, — и усмехнулась:

— А что, у вас нет водопровода? Дом-то каменный, двух-

этажный. Или я чего-то не знаю о местных удобствах?

— Есть конечно, — Ирина снова улыбнулась. — Но воду, которую Вейкко носит, дом пьёт. Из крана вода ему не нужна и вовсе.

— Дом пьёт воду, — Катя хмыкнула. — Хорошо, что не кровь.

— Кровь он тоже пьёт, — спокойно ответила Ирина. — Когда надо, конечно.

В воздухе повисла пауза, Кате впервые не нашлось, что ответить и причиной тому был не голос Ирины, и не угроза, не шутка, а холодная, будничная констатация — заставила её замереть на полуслове.

— Иди, — сказала Ирина, выходя из-за стола. — Вейкко ждёт.

Она приоткрыла дверь и крикнула:

— Вейкко! Вейкко! Подойди.

Он возник у двери почти мгновенно — высокий и нескладный, в штормовке, которая была ему велика на два размера и топорщилась на плечах, как на вешалке. Весь он был какой-то незаконченный. Будто его собирали второпях и забыли поправить.

Руки слишком длинные, тонкие, цепкие пальцы, которые всё время двигались, теребили штормовку за край или поправляли шапку, и как будто назло Кате, перебирали разные, невидимые нити.

Катя поймала себя на мысли о том, что она слишком долго

смотрит на его пальцы и не может оторваться. В этих пальцах было скорее что-то птичье, чем человеческое. Хотя ничего конкретного она не смогла бы назвать. Лицо у Вейкко было вытянутое, скуластое, простое, но с неестественно светлыми глазами, которые не были ни голубыми, ни зелеными, ни тем более уж карими, а блёклые, будто выцветшие на северном солнце. В то же время Вейкко не пугал её, а скорее вызывал искреннее и детское любопытство, от которого даже поднимается настроение, которое она вчера почувствовала, когда дом отозвался теплом на её прикосновение. В целом он вызывал у Кати доверие.

Меня Вейкко звать, — выпалил он, и слова посыпались, как горох без остановки. — Я тут воду развожу по дворам, ну там ключевую, потому что в колодцах она не очень, а ключевая мягкая, ну и мелкую работу делаю, кому что надо: забор починить, дров наколоть, ну так это я а если крышу подлатать, что убрать, что сделать В общем без меня село - не село, жизнь не жизнь, вода - не вода...

Катя не успевала улавливать половину слов. Вейкко говорил так быстро, но странно было то, что ей не захотелось ни перебивать его, ни останавливать. Что-то в этом потоке было, успокаивающее. Как шум дождя за окном.

— ...хозяйственник незаменимый, мадмуазель, и в делах дурных не замечен! Много повидал, долго живу, многое знаю. Мост обещали новый построить! Так и где он? То-то и оно, не нравятся мне власти, и без них хорошо. Я Вам и

ЖКХ, и дрова для печи, да хоть уголь, мы за современные технологии...

Он говорил и всё время двигался: перекидывал лямку рюкзака с плеча на плечо, поправлял шапку, которая тут же сползала обратно, одёргивал рукава. Ему бы рэп читать, подумала Катя с сарказмом и невольно улыбнулась.

В этот момент Вейкко, не останавливаясь, сказал:

— искусство я люблю, мадмуазель, очень люблю! Сам бы, может, на сцену подался — рэп этот ваш читать или стихи декламировать, — но не могу я это село бросить. Связь с природой, она она сильнее силы искусства! Деревья, они они ж не обманут, не предадут, им не важно, кто ты — человек, зверь или просто заезжий гость, они всех принимают одинаково.

Катя смотрела на него, забыв закрыть рот. Он что, прочитал мысли? Или это просто совпадение? Но то, что он сказал дальше, про природу, которая принимает всех, задело её куда сильнее. Она сама не ожидала, что эта простая, коряво высказанная мысль отзовётся в ней таким острым, щемящим чувством. Ей вдруг до боли захотелось, чтобы это оказалось правдой.

Но Вейкко уже нёсся дальше, и его голос снова стал тем самым бормотанием, в котором слова теряли смысл.

— ...мам и пап ваших знал и уважал, рекомендую, без меня Вам тут и никуда Роман Александрович, бывало, удивлялся...

Катя вздрогнула. Роман Александрович — так звали её отца. Она не слышала упоминаний об отце много лет, и теперь оно прозвучало из уст странного водоноса, который только что сравнивал себя с рэпером и говорил о мудрости деревьев.

— Откуда вы знали моего отца? — перебила она, но Вейкко уже ушёл дальше по течению своей речи — про Вологду, про свои поездки и она потеряла нить.

Катя хотела схватить его за рукав, заставить остановиться, но что-то в его глазах заставило её замереть. На мгновение они перестали быть блёклыми, а стали глубокими и старыми. А потом он моргнул, впервые за всё время, и снова стал самим собой.

— Вейкко, ну ты мою внучку то не смущай, говори, говори, да не заговаривайся. Село не село без него, Внучка это моя - Катя. Будь любезен почтительно и с уважением. Зубы то, не заговаривай, — оборвала его Ирина.

Внучкой назвала, забыв про Вейкко подумала Катя. Ну надо же, гордая бабушка дождалась встречи с внучкой, уже взрослой внучкой. Затем она вновь обратила внимание на Вейкко, который говорил, хвастался и всё время двигался, но речь его была уже словно белый шум.

Катя смотрела на него и не могла понять, что именно её смущает в этом Вейкко. Вроде бы обычный человек, просто немного странный. И все же, что-то было в нем не так. Что-то она упустила. А вот зачем он постоянно крутится, вертится,

туда - суда как веник Ну все - решено. Для всех он Вейкко, а я его просто «Веник» называть буду, подумала Катя, чтобы не заносило его на поворотах.

Но Вейкко все продолжал и не останавливался.

— И папу Вашего знал и маму, в общем почти родственники

— Так! Стоп! — воскликнула Катя — балагур ты какой-то Вейкко, с этих пор «веником» тебя звать буду, крутишься, вертишься, не остановить.

Вдруг в воздухе возникла пауза, Ирина с изучающим любопытством стала рассматривать Катю, как Вейкко продолжил.

— Веником, — произнёс он это слово медленно, и его длинные пальцы вдруг перебрали воздух неуловимо быстрым, ловким движением, каким фокусник на ярмарке прячет монету в рукаве, а спустя мгновение достаёт её за ухом зрителя. — А знаете, мадмуазель, меня ведь так уже называли. Давненько правда. Было дело, правда довелось им не только воду из моих вёдер пить, но и кровью их наполнить. А так хорошие были люди, жаль, что не ладили.

Он улыбнулся широко и ужасающе. Катя почувствовала, как от этой улыбки сжалось всё внутри. Но в серьёз его слова не восприняла, слишком много слов для одного человека, просто балагур, решила Катя. А потом Вейкко снова задёргался, засуетился, будто и не было этой фразы вовсе.

— Но я не в обиде! Для вашей семьи — позволительно.

Даже забавно. Веник так Веник, как скажете, мадмуазель

— Веник! Прошу не называть меня мадмуазель, у меня есть имя, на мой взгляд у меня весьма красивое имя, так что, прошу звать меня Катя.

— Как скажете-с, мадмуазель Кати, но повторюсь Давно живу, не могу отвыкнуть от этой моды на французский...

Вейкко продолжил свои рассуждения о жизни, но Катя его уже не слушала. Она украдкой посмотрела на его пальцы, которые снова перебирали невидимые нити, как у фокусника с монетой, оказывая какой-то гипнотический эффект на собеседника.

—... В общем — заканчивал Вейкко, — Без меня Вам мадмуазель Кати, пока что никуда, позвольте я проведу Вас до реки?

— Иди, — сказала Ирина. — Он проводит. Покажет тебе село и дорогу к реке.

— Ну ладно, прям какой-то квест, — пробормотала Катя, — Ну а ты же как? — обратилась Катя к Ирине.

— Я буду с тобой в мыслях, по привычке. Ну иди Катюш, сегодня тебе самой надо.

В этот момент Катя впервые почувствовала от Ирины, какую-то заботу. Как ребенок, лишенный любящей и заботливой семьи, она заметила долю чувственности в одной фразе Ирины, которую так и не посчитала «бабушкой», но все же энергию родной крови, она прочувствовать смогла.

Затем Катя с «Веником» вышли за калитку, тот опять на-

чал что-то рассказывать — быстро, почти захлёбываясь, — но она не слушала. Мысли всё ещё вертелись и крутились словно вихрь: о доме, странном гербе, ключе с вол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.